«Привычка к бедности»
Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940–1960-е годы

Елена Зубкова

«Во всех культурах и эпохах бедные одновременно являются неизвестными. Мы знаем о них мало, а то, что, казалось бы, знаем, оказывается часто неверным», – писал Вольфрам Фишер в своём знаменитом исследовании о проблемах бедности в Европе[1]. За прошедшие 30 лет с момента выхода его книги ситуация изменилась, и теперь нам известно о жизни беднейших слоёв населения Европы – от Средневековья до наших дней – гораздо больше, чем раньше. За одним исключением: история бедности при коммунистических режимах как специальная проблема пока изучена довольно фрагментарно, особенно в европейском контексте.

Универсального определения понятия «бедность» не существует и не может быть в принципе. Качественное описание состояния бедности, как и принципы измерения её уровня, имеют свою специфику в разных странах, культурах и исторических эпохах. Бедность как относительная категория, вписанная в социальный и исторический контекст, впервые была проблематизирована в начале XX в. в «Социологии» Георга Зиммеля[2], и с тех пор этот методологический опыт находит своё развитие в различных теоретических, социологических[3] и конкретно-исторических исследованиях[4]. Монетарный подход – определение границы бедности в денежном выражении, исходя из уровня доходов – вполне оправдывал себя при изучении проблемы в пределах конкретного государства и на ограниченном отрезке времени. Однако при написании сравнительных исследований – на примере двух или нескольких стран – корректность его использования была поставлена под сомнение[5]. Скепсис относительно количест-

---

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00071а.

[1] *Fischer W.* Armut in der Geschichte. Erscheinungsformen und Lösungsversuche der «Sozialen Frage» in Europa seit dem Mittelalter. Göttingen, 1982. S. 7.

[2] *Simmel G.* Der Arme // *idem*. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Gesamtausgabe. Bd. 11. Frankfurt a/M, 1992. S. 512–555.

[3] Обобщённый анализ методологических проблем и прикладных методик изучения бедности см.: *Paugam S.* Les formes élémentaires de la pauvreté. P., 2005 (перевод на немецкий язык: *Paugam S.* Die elementaren Formen der Armut. Hamburg, 2008).

[4] Особенности восприятия бедности, изменение политики по отношению к беднейшим слоям населения в странах Европы в различные исторические периоды представлены в исследованиях: Armenfürsorge und Wohltätigkeit. Ländliche Gesellschaften in Europa, 1850–1930. Poor Relief and Charity. Rural Societies in Europe, 1850–1930. Frankfurt a/M [u.a.], 2008; Being Poor in Modern Europe. Historical Perspectives 1800–1940. Oxford, 2006; *Geremek B.* Poverty: a History. Oxford, 1997; *Groh-Samberg O.* Armut, soziale Ausgrenzung und Klassenstruktur. Zur Integration multidimensionaler und längsschnittlicher Perspektiven. Wiesbaden, 2009; *Jütte R.* Poverty and Deviance in Early Modern Europe. Cambridge, 1994; Aktuelle Tendenzen der historischen Armutsforschung. Wien, 2005; Arme und ihre Lebensperspektiven in der Frühen Neuzeit. Frankfurt a/M [u.a.], 2008; *Woolf S.* The poor in Western Europe in the eighteenth and nineteenth centuries. L., 1986.

[5] *Paugam S.* Die elementaren Formen der Armut. S. 11–12. В то же время Погам считает, что количественные измерения бедности и её статистические индикаторы полезны при проведении сравнительных исследований (S. 13).

венных индикаторов измерения бедности и поиски концептуальных рамок для сравнительного анализа обусловили методологический тренд 1990-х гг., когда бедность стала рассматриваться не только *как состояние, но и как процесс – социальная эксклюзия*[6]. Концептуальная дихотомия *включение/исключение* (*inclusion/exclusion*) является сегодня одним из базовых инструментов гуманитарных исследований – своеобразным ключом к пониманию функционирования социальных систем, устройства социального порядка[7]. Анализ проблем бедности через оптику включения/исключения открыл новые методологические перспективы для исторических исследований на этом направлении, в том числе и в сравнительном контексте[8].

Бедность как повседневность

Большевистский режим, победивший под лозунгом уничтожения богатых, так и не смог выработать сколько-нибудь эффективной стратегии преодоления бедности. Объявив «мир – хижинам, войну – дворцам», апеллируя к бедноте как к главному политическому союзнику, большевики фактически, хотя и невольно, встали на путь культивирования бедности. И далее защита от неё не входила в число приоритетов государства, бросившего все ресурсы на решение задач ускоренной модернизации и противостояние внешним угрозам – реальным и мнимым. Советский социум с самого начала формировался как ориентированный на выживание в условиях режима жёсткой экономии. Внешняя угроза была необходимой частью мобилизационной программы и одновременно инструментом для блокирования общественного недовольства. Позицию советского руководства на этот счёт спустя много лет объяснил В.М. Молотов: «Пока империализм существует, народу очень трудно улучшать жизнь»[9].

---

[6] Термин «эксклюзия» получил широкое распространение в социальных исследованиях – сначала во Франции, а позднее и в Европе в целом благодаря публикации книги Рене Ленуара: *Lenoir R.* Les exclus: un francais sur dix. P., 1974.

[7] Теория включения/исключения разрабатывается в рамках нескольких научных направлений, которые опираются на концептуальные подходы, представленные в трудах Пьера Бурдье, Мишеля Фуко, Никласа Луманна: *Bourdieu P.* La misère du monde. P., 1993; *Foucault M.* Histoire de la folie à l'âge classique. P., 1961; *idem.* Surveiller et punir. Naissance de la prison. P., 1975; *Luhmann N.* Inklusion und Exclusion // *idem.* Soziologische Aufklärung 6. Opladen, 1995. Обобщённый анализ различных концепций включения/исключения: *Bohn C.* Inklusion, Exklusion und die Person. Konstanz, 2006; *Stichweh R.* Inklusion und Exclusion. Studien zur Gesellschaftstheorie. Bielefeld, 2005. Специально о социальной эксклюзии в контексте изучения проблем бедности см.: *Paugam S.* Pauvreté et exclusion: la force des contrasts nationaux // L'exclusion: l'état des savoirs. P., 1996. P. 389–404; *Castel R.* From Dangerousness to Risk // The Foucault Effect: Studies in Governmentality. Hemel Hampstead, 1991. P. 389–404.

[8] Самый масштабный международный научный проект был осуществлён на базе университета г. Трир (Германия): «Чужие и бедные. Изменения форм включения/исключения от античности до наших дней». Идея проекта заключалась в том, чтобы через двойную перспективу «чужих и бедных», через оптику включения/исключения получить объёмное представление об особенностях устройства социального порядка, культурных и религиозных практиках, процессе конструирования идентичностей на европейском пространстве на протяжении нескольких столетий. Эта идея была успешно реализована в конкретных исследованиях участников проекта. См., например: Inklusion/Exklusion Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart. Frankfurt a/M [u.a.], 2004; Being Poor in Modern Europe...; Zwischen Ausschluss und Solidarität. Modi der Inklusion/Exklusion von Fremden und Armen in Europa seit der Spätantike. Frankfurt a/M [u.a.], 2008; Bettler in der europäischen Stadt der Moderne. Zwischen Barmherzigkeit, Repression und Sozialreform. Frankfurt a/M [u.a.], 2007.

[9] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 264.

В таком случае советское общество было обречено оставаться *обществом бедных* – по крайней мере, до тех пор, пока существовали миф о враждебном окружении и «железный занавес».

Реализация мобилизационных программ 1930-х гг., репрессии и террор для многих затронутых этими процессами категорий населения связывались с потерей социального статуса и снижением уровня жизни. Разрушительные последствия Второй мировой войны привели не только к массовому обнищанию населения – они травмировали коллективную память, в которой война заняла место универсального индикатора жизненных бедствий. Война стала критической отметкой, формирующей жизненную стратегию людей, выраженную в популярной приговорке: «Только бы не было войны».

Память о войне как величайшем бедствии отразилась на послевоенных ожиданиях людей: мечталось о «лучшей жизни», но конкретные требования были минимальны (жильё, еда, работа) – в пределах ресурса, обеспечивавшего физическое выживание[10]. Однако даже эти непритязательные запросы долгое время оставались по бóльшей части нереализованными, переведёнными в разряд отложенных. Идеологическим обоснованием такого положения вещей служила ссылка на «временные трудности» – в контексте последствий минувшей войны и новой военной угрозы. На идее временных трудностей и авторитете высшей власти строился общественный консенсус. Когда для оправдания непопулярных действий властей не хватало разумных аргументов, народ прибегал к последнему: «Раз решение принял товарищ Сталин – значит, иного пути не было»[11]. Это означало, что общественный консенсус строился исключительно на доверии к верховной власти. Местные чиновники, а также люди, чей уровень жизни заметно отличался от уровня жизни большинства современников (от деятелей чёрного рынка до высокооплачиваемых артистов и академиков), по традиции выступали объектами негативных эмоций, аккумулируя на себе энергию недовольства.

Восстановление и экономический рост в послевоенные годы во многом обеспечивался за счёт населения – в результате повышения налогов (сельскохозяйственного, подоходного и др.), увеличения прочих отчислений в бюджет, например, в форме государственных займов, подписка на которые фактически носила принудительный характер. Главным источником доходов госбюджета в это время, как и до войны, был налог с оборота (более 50% от всех доходов). Он также может считаться одной из форм изъятия средств у населения, так как ценообразование на промышленные товары и продукты питания находилось в руках государства[12].

Несмотря на авторитетные обещания и даже некоторые практические шаги в направлении улучшения условий жизни народа[13], сколько-нибудь заметных

---

[10] Подробнее о послевоенных настроениях и ожиданиях см.: *Зубкова Е.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999.

[11] Согласно информации ВЦСПС, именно так рассуждали рабочие в сентябре 1946 г., когда было принято крайне непопулярное решение о повышении цен (РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 524, л. 62).

[12] *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. М.; Тамбов, 2000.С. 113.

[13] В речи перед избирателями 9 февраля 1946 г. Сталин сделал несколько обещаний такого рода, заявив о скорой отмене карточной системы, развитии производства товаров народного потребления, расширении объёмов торговли (Правда. 1946. 10 февраля). Эти заявления частично нашли воплощение в планах развития товаров народного потребления, розничной торговли, потребительской кооперации с целью улучшения снабжения населения продуктами питания и промышленными товарами. См.: *Пыжиков А.В.* Хрущёвская «оттепель». М., 2002. С. 15–40.

перемен в этой сфере до середины 1950-х гг. так и не произошло. Среднемесячные денежные доходы населения выросли с 1947 г. по 1952 г. только на 3.3%, а налоги – в два раза[14]. Расходы на социальное обеспечение (включая пособия многодетным и одиноким матерям) увеличились за тот же период на 14.4% (расходы на оборону – на 47.8%), а их доля в государственном бюджете сократилась (в 1946 г. она составляла 5.9%, в 1952 г. – 4.5%)[15]. В силу своих незначительных размеров пенсии и пособия в большинстве случаев не играли существенной роли в семейных бюджетах: например, в структуре денежного дохода семей рабочих промышленности на долю пенсий и стипендий приходилось в 1948 г. 5.5%, а основным источником дохода служила заработная плата – 85.9%[16].

За первое послевоенное десятилетие практически не изменились структура и уровень потребления населения по сравнению с довоенным периодом. В рационе питания как городских, так и сельских жителей основными продуктами были хлеб и картофель, причём потребление картофеля, который часто заменял собой отсутствующий хлеб, даже возросло[17]. Такое положение являлось не только следствием войны, но и результатом довоенной политики сплошной коллективизации деревни. В 1950 г. производство ряда продуктов питания – зерна, мяса, молока, овощей – в расчёте на душу населения было ниже уровня 1928 г., т.е. накануне коллективизации[18].

Исследование структуры потребления населения, проведённое в 1955 г., зафиксировало следующую картину: весьма скудная потребительская корзина большинства граждан страны, несоответствие научным нормам потребления продуктов питания[19]. Кроме того, уровень и качество потребления в СССР серьёзно отставали от потребительских стандартов ведущих западных стран (в которых, по определению советской пропаганды, население «страдало от голода и нищеты»)[20]. Результаты этого исследования не предназначались для публикации и имели гриф «Совершенно секретно». Подобная закрытость для советской статистики – практика обычная. Внимания заслуживает другое: изучение проводилось по поручению Совета министров СССР – факт сам по себе примечательный, как и включение в его программу сравнительных показателей с западными странами, заведомо «неудобных», но отражающих реальность. Стремление советского руководства получить реалистичную картину уровня и качества жизни населения – в результате этого и других ана-

---

[14] Соотношение денежных средств у населения, товарооборота и денежных доходов населения в 1937–1953 гг. // Советская жизнь. 1945–1953 гг. М., 2003. С. 499; Государственный бюджет СССР в 1940–1955 гг. // Там же. С. 500–501.

[15] Государственный бюджет СССР в 1940–1955 гг. С. 500–501.

[16] Данные ЦСУ СССР об итогах обследования бюджетов рабочих промышленности за 1948 г. // Советская жизнь... С. 92.

[17] Справка Центрального статистического управления СССР, Института экономики Академии наук СССР и Института питания Академии наук СССР об уровне потребления основных продовольственных и промышленных товаров в СССР // Там же. С. 119–120.

[18] Там же.

[19] Научные нормы питания были разработаны Институтом питания Академии наук СССР. Согласно этим расчётам, в 1954 г. потребление белков в ежедневном рационе в среднем составляло 74% от физиологической нормы, жиров – 58%, а доля углеводов превышала норму на 16% (Там же. С. 126).

[20] Докладная записка ЦСУ СССР, Института экономики АН СССР и Института питания Академии наук СССР председателю Совета министров СССР Н.А. Булганину об уровне потребления основных продовольственных и промышленных товаров в СССР // Там же. С. 122–125.

логичных исследований[21] – свидетельствовало о том, что власть всерьёз озаботилась поиском путей решения социальных проблем. В середине 1950-х гг. началась реализация социальных программ, которые предусматривали в том числе создание механизмов защиты от бедности[22].

Проблемы измерения бедности

Насколько действительно бедным было советское общество? Несмотря на признание ограниченности возможностей статистических индикаторов для характеристики такого явления, как бедность, «измерить» её по-прежнему можно только в цифрах. При этом универсального метода подобных измерений не существует, занимающиеся этой проблемой эксперты оперируют такими понятиями, как абсолютная, относительная и субъективная бедность, для оценки которых используются разные методики. Расчёт *абсолютной* бедности ориентирован на стоимость минимальной потребительской корзины (другим индикатором является прожиточный минимум), *относительная* – фиксирует отклонение уровня жизни части населения от принятых в данном обществе потребительских стандартов, *субъективная* – означает оценку своего положения самими людьми. В последние годы широкое распространение получил *депривационный подход* – оценка бедности через испытываемые лишения (когда ограниченность ресурсов не позволяет человеку или семье вести образ жизни, принятый в данной стране)[23].

«Черта бедности» («poverty line») обычно фиксируется по такому показателю, как *прожиточный минимум* (subsistence minimum), представляющий собой совокупный ресурс – финансовые средства и материальные блага, необходимые для выживания и воспроизводства индивида или социальной группы[24]. В целом ряде стран его величина (так называемый гарантированный минимум) регулируется законодательно и изменяется в соответствии с общим ростом или снижением доходов населения. В Дании гарантированный минимум был введён в 1933 г., в Великобритании – в 1948 г., ФРГ – в 1961 г., во Франции – в 1988 г. В различных странах этот показатель отличается как по величине, так

[21] По поручению Совета министров СССР в течение 1953–1954 гг. ЦСУ СССР подготовило подробные справки о состоянии и уровне благоустройства городского жилищного фонда, о бюджетах рабочих, служащих и колхозников, о заработной плате, балансе доходов и расходов. Аналогичные справки ЦСУ готовило по запросам ЦК КПСС. В конце 1950-х гг. в статистических расчётах появляется новое направление – «основные показатели повышения уровня жизни народа».

[22] Подробнее см.: *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов). М., 2011; *Пыжиков А.В.* Указ. соч.; *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006; Советская социальная политика: сцены и действующие лица. 1945–1991 гг. М., 2008; *McAuley A.* Econimic Welfare in the Soviet Union. Madison, Wisconsin, 1979; *Stiller H.* Sozialpolitik in der UdSSR 1950–1980. Eine Analyse der quantitativen und qualitativen Zusammenhänge. Baden-Baden, 1983.

[23] Различные подходы к оценке уровня бедности см.: *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom. Berkeley, 1979; Measuring Poverty and Social Exclusion. L., 2000. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М., 1998; *Овчарова Л., Теслюк Э.* Бедность и неравенство в России: зависимость статистических показателей бедности и неравенства от метода измерения благосостояния домашних хозяйств. М., 2007.

[24] Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М., 1998. С. 183.

и по методикам его расчёта[25]. В России официальный прожиточный минимум был впервые установлен в 1992 г. До этого он рассчитывался экспертами, но без публикации соответствующих сведений. Даже для специалистов данные о величине прожиточного минимума, как и вся статистика доходов и расходов населения, долгое время оставались секретными. По свидетельству социолога Н.М. Римашевской, она и другие учёные, занимающиеся изучением уровня жизни населения, получили доступ к секретным статистическим данным и одновременно возможность проводить собственные исследования качества жизни людей только в конце 1950-х гг.[26] Результаты их изысканий были впервые частично опубликованы во второй половине 1960-х гг.[27]

Поскольку понятие «бедность» официально не употреблялось (заменили «недостаточной материальной обеспеченностью»), то и измеряли уровень «материальной обеспеченности». Позднее, в начале 1970-х гг., для обозначения бедности стал использоваться другой термин-эвфемизм – *малообеспеченность*[28]. Методика расчётов строилась на использовании целого ряда дифференцированных по группам населения и по регионам показателей – бюджетных обследованиях, данных о заработной плате, расходах семьи, количестве детей и иждивенцев в ней и т.д.[29]

Однако главная проблема заключалась не в терминологических нюансах – в конце концов, в своём кругу специалисты обсуждали вопросы: что такое прожиточный минимум, минимальный потребительский бюджет, на что должна ориентироваться минимальная заработная плата и т.д.[30] Трудности начинались, когда требовалось оценить степень достоверности эмпирической базы, прежде всего официальной советской статистики. Одним из главных источников для изучения уровня жизни населения и основой для оценки прожиточного минимума традиционно служили бюджетные обследования. В 1920-е гг. данные бюджетов публиковались, с начала 1930-х гг. они были засекречены, кроме того, изменилась методика расчётов, и данные бюджетных обследований уже недостаточно адекватно отражали уровень жизни населения[31]. Практика ис-

---

[25] *Paugam S.* Die elementaren Formen der Armut. S. 89.

[26] *Римашевская Н.М.* Бедность и маргинализация населения // СОЦИС. 2004. № 4. С. 33.

[27] См., например: *Римашевская Н.М.* Экономический анализ доходов рабочих и служащих. М., 1965; *Саркисян Г.П., Кузнецова Н.П.* Потребности и доход семьи: уровень, структура, перспективы. М., 1967; Доходы и покупательский спрос населения. М., 1968.

[28] Этот термин вошёл в употребление в связи с разработкой программы помощи «малообеспеченным семьям». К категории «малообеспеченных» в 1974 г. были отнесены семьи с доходом менее 50 руб. в месяц на одного члена семьи (*Braithwait J.* The Old and New Poor in Russia // Poverty in Russia: public policy and private responses. World Bank Publications, 1997. P. 30).

[29] Как считает Н.М. Римашевская, «наблюдения заработной платы и доходов вместе с бюджетными обследованиями в общей композиции создавали хорошую информационную базу, в том числе для оценки дифференциации жизненного уровня» (*Римашевская Н.М.* Бедность и маргинализация населения. С. 33). Результаты этих расчётов были опубликованы в конце 1960-х гг. См., например: *она же*. Вопросы совершенствования статистики уровня жизни // Доходы и покупательский спрос населения. М., 1968. С. 156–161.

[30] О таких дискуссиях в «узком кругу» см.: *Римашевская Н.М.* Бедность и маргинализация населения. С. 33–34. Прожиточный минимум рассчитывался как «минимальный предел, обеспечивающий биологическое и социальное воспроизводство человека», а минимум оплаты труда рекомендовалось устанавливать в размере не ниже полутора минимальных бюджетов.

[31] Критический анализ советской статистики, характеризующий уровень жизни населения см.: *Moine N.* Le miroir des statistiques. Inégalités et sphère privée au cours du second stalinisme // Cahiers du Monde russe. 2003. N 44(2–3). P. 481–518; *idem.* «Mesurer le niveau de vie»: administration statistique et politique des donnees en urss, de la reconstruction au degel // Sociétés contemporaines. 2005/1.

пользования некорректных статистических методик продолжалась и в послевоенные годы. Только после того, как новое руководство страны в середине 1950-х гг. приступило к реализации социальных программ, возникла прагматическая потребность в достоверной статистике об уровне доходов и структуре потребления населения. Это было необходимо прежде всего для фиксации границы «малообеспеченности», чтобы определить минимум заработной платы и минимальный уровень доходов семьи.

Поскольку планированием заработной платы занимался Госплан СССР, а бюджетными обследованиями – Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР, «плановики» в числе первых стали критиковать «статистиков». В 1960 г. в специальной записке Госплан обвинил ЦСУ в «низком уровне разработки бюджетных методик» и представлении не вполне достоверных данных. По мнению экспертов Госплана, данные бюджетных обследований семей рабочих и служащих являлись нерепрезентативными. Во-первых, сеть бюджетов, включённых в выборку для обследования, была явно недостаточной: по сравнению с 1940 г. в 1960 г. численность рабочих и служащих увеличилась в 2 раза, а количество обследуемых бюджетов – только на 26%. Во-вторых, уровень доходов обследуемых семей был выше уровня доходов одной семьи по стране в целом. Так, если в 1959 г. по данным единовременного массового обследования рабочих промышленности 30% семей имели доход до 350 руб. в месяц на каждого из домочадцев, то в составе семей, попавших в выборку для составления бюджетов, таких насчитывалось только 11%. И наоборот, среди включённых в выборку семей 60% имели доход более 500 руб. в месяц на члена семьи, тогда как по данным более представительного единовременного обследования таких семейств было 42%. Данные ЦСУ о доходах колхозников, по мнению экспертов Госплана, также являлись завышенными[32].

Вопрос о методике расчётов важен для понимания содержания такой категории, как прожиточный минимум. Начиная с 1960-х гг. и вплоть до 1992 г. (когда он впервые стал регулироваться в России законодательно) экспертами рассчитывался так называемый минимум материальной обеспеченности. Эта категория фиксировала величину доходов, ниже которой население не способно к нормальному воспроизводству[33]. Для краткости неофициально пользовались понятием «прожиточный минимум», но на самом деле речь шла не о нём (subsistence minimum), а о *потребительском минимуме* (minimum consuption), или минимальном потребительском бюджете. Последний в расчёте на душу населения отличается от бюджета прожиточного минимума по своей структуре: согласно практике исчисления структуры доходов, принятой в СССР, в бюджете прожиточного минимума доля расходов на питание составляла 68%, в минимальном потребительском бюджете – 52%[34], поэтому потребительский

N 57. P. 41–62. На недостатки методики бюджетных исследований в конце 1920-х и 1930-е гг. указывает Джулия Хесслер: *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton, N.J. 2004. P. 226–228. Елена Осокина связывает изменение методики расчётов бюджетов и засекречивание данных бюджетных обследований в 1930-е гг. с «полным развалом статистической школы» и ухудшением общей экономической ситуации в стране, которое отражали бюджеты. См.: *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998. С. 32.

[32] РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 640, л. 287–289.

[33] *Римашевская Н.М.* Бедность и маргинализация населения. С. 33–34.

[34] Там же.

минимум выше прожиточного. Это дало А. Маколи основание скорректировать данные советских открытых источников о прожиточном минимуме в СССР и вычислить величину минимального дохода, более реально отражавшую черту бедности[35]. По оценкам Маколи, в 1958 г. прожиточный минимум (черта бедности) составлял 25 руб. на душу населения в месяц, по расчётам некоторых советских социологов потребительский минимум был определён в размере 50 руб.[36] По другим советским источникам, прожиточный минимум в 50 руб. установили только в 1975 г., в 1965 г. он составлял 40 руб.[37] В этих расчётах потребительский минимум приближен к прожиточному.

Население, имеющее доход ниже потребительского минимума (минимума материальной обеспеченности), рассматривалось советскими экспертами как «малообеспеченное»[38]. В конце 1960-х гг. доля «малообеспеченных» составляла 29.6% всех советских жителей: это те, кто находился за чертой бедности и в непосредственной близости от зоны риска. По оценкам Маколи, в 1967 г. доля таковых составляла 11% населения СССР[39].

Несмотря на расхождение данных о численности людей, которых условно можно отнести к категории «бедных», оценки экспертов свидетельствуют в целом о низком уровне жизни граждан Советского Союза. Эти выводы косвенно подтверждаются и результатами бюджетных обследований, особенно если учесть, что приведённые в них показатели уровня доходов являлись завышенными по сравнению с реальным положением дел. Так, в бюджете семей рабочих расходы на питание составляли в 1940 г. 57.4%, в 1947 г. – 62.8, в 1948 г. – 52.5%[40]. Это значит, что большинство рабочих семей до конца 1940-х гг. имели бюджет, равнозначный потребительскому минимуму, а в 1947 г. вследствие голода и кризиса снабжения он уже приблизился по своей структуре к бюджету прожиточного минимума. К 1953 г. картина улучшилась, по крайней мере, в официальной статистике – доля расходов на питание в бюджете семьи рабочего составила 40%[41].

Бедность в субъективном восприятии

Статистические показатели позволяют оценить уровень только так называемой *абсолютной бедности*. Чтобы получить более адекватную картину, необходимо учитывать такой критерий, как *субъективная бедность* – восприятие людьми своего материального положения. До начала 1960-х гг., когда в Советском Союзе были возобновлены социологические опросы – после почти 30-летнего перерыва – источниками информации о субъективном восприятии бедности/достатка служили сводки о настроениях и эго-документы – письма, дневники, мемуары.

---

[35] См.: *McAuley A.* Op. cit. В качестве источника расчётов Маколи использовал публикацию: *Саркисян Г.П., Кузнецова Н.П.* Потребности и доход семьи: уровень, структура, перспективы. М., 1967.

[36] *Braithwait J.* Op. cit. P. 33.

[37] Эти данные см.: *Римашевская Н.М.* Бедность и маргинализация населения. С. 34.

[38] Там же.

[39] См.: *McAuley A.* Op. cit.

[40] Данные ЦСУ СССР об итогах обследования бюджетов рабочих промышленности за 1948 г. // Советская жизнь... С. 93.

[41] Данные ЦСУ СССР об итогах обследования бюджетов рабочих, служащих и колхозников в 1953 г. // Там же. С. 111–112.

Обратимся к такому источнику 1950-х гг., как письма граждан в государственные органы и редакции газет, поднимавших вопросы материального положения людей – о доходах, снабжении, торговле, жилье и т.д.[42] Как правило, эти письма отражали негативные настроения, и в силу этого отличались повышенной эмоциональностью. В то же время их эмоциональный накал свидетельствовал о том, что даже спустя годы после окончания войны для многих людей повседневность продолжала оставаться борьбой за выживание. По сравнению с первыми послевоенными годами изменилась только география жалоб, ставшая более дифференцированной: в 1950-е гг. сигналы о неблагополучии поступали в основном из промышленных регионов, индустриальных городов, периферийных центров, реже – из Москвы и Ленинграда. Послевоенные трудности, конечно, не обошли стороной жителей обеих столиц, но за прошедшее с конца войны десятилетие эти мегаполисы, традиционно пользовавшиеся привилегиями в снабжении, окончательно утвердились в своём неофициальном статусе городов-витрин с более высоким по сравнению с периферией уровнем жизни населения.

Для жителей многих промышленных центров проблема снабжения продолжала оставаться весьма острой и в середине 1950-х гг., поэтому частыми стали их обращения во властные структуры. «В настоящее время рабочие ходят голодными; чтобы купить килограмм хлеба, нужно становиться в очередь в 5 часов утра и то, если останешься живой, то покушаешь, а из продуктов совершенно ничего нет, одна капуста всех сортов да несколько банок консервированных фруктов. Уже три месяца кряду мы не видели сахара, не говоря уже о мясе и колбасах», – писали рабочие Магнитогорского металлургического комбината в ЦК КПСС 27 октября 1955 г.[43] «В нашей столице Башкирии городе Уфе нет вот уже несколько лет в магазинах сливочного масла, месяцами не бывает сахара, круп, мяса, нет рыбы, колбасных изделий, – сообщалось в ноябре 1955 г. в анонимном письме в газету "Труд". – Люди целыми днями рыщут в буквальном смысле слова по магазинам в надежде купить что-либо»[44]. «У нас нет продуктов питания. Из-за этого люди болеют... Нет ничего, даже суррогата маргарина, круп, вермишели. Если появляется что, то очереди, и уйдешь с пустыми руками», – говорилось в информационной сводке по Казани за январь 1957 г. «О жалобах населения на плохое снабжение продовольственными товарами»[45].

В письмах 1955–1956 гг. отчётливо прочитывается кризис доверия к высшей власти. Особенно раздражали людей на фоне пустых прилавков, низких доходов и бытового неустройства пропагандистские заявления о «постоянном росте материального благосостояния трудящихся». «Что, в конце концов, знает о жизни народа наше правительство? – риторически вопрошал автор анонимного письма в газету "Труд" в ноябре 1955 г. – Каждый день по радио, на страницах газет "Правда" и других... слышишь слова об "изобилии" и в то же время видишь своими глазами это "изобилие" в магазинах, испытываешь эту

[42] Анализ специфики писем советских граждан как исторического источника см.: *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; *Dobson M.* Letters // Reading Primary Sources. The Interpretation of Texts from Nineteenths- and Twentieth-Century History. L., 2008. P. 57–73; *Fitzpatrick Sh.* Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930 s. // The Jomal of Modem History. Vol. 68. № 4. 1996. P. 831–866.

[43] РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 26, л. 35.

[44] Там же, л. 44.

[45] Там же, оп. 33, д. 36, л. 8.

“прекрасную” жизнь на собственной шкуре»[46]. «По радио передаёте о богатстве, а на факте ничего нет. Магазины сплошь и рядом пусты», – сообщалось в информационной сводке по Липецкой обл. за январь 1957 г. «О жалобах населения на плохое снабжение продовольственными товарами»[47]. Порой граждане выражали своё недовольство в надписях на избирательных бюллетенях. Так, после выборов в Верховный Совет РСФСР 5 марта 1955 г. на одном из бюллетеней было написано: «Какое может быть доверие у избирателей, когда ещё в 1930 году было сообщение в газетах о том, что в Советском Союзе все жители выведены из подвалов – это обман. До сих пор ещё люди ютятся в подвальных помещениях, в ужасной нищете»[48].

Субъективное восприятие бедности менялось не только в результате кризиса доверия к власти. Сам этот кризис являлся следствием если не разрушения, то серьёзного ослабления общественного консенсуса, прежде всего его опорных идеологических концептов – «временных трудностей» и «враждебного окружения». Ресурс ожидания со ссылкой на «временные трудности» за десять послевоенных лет был уже просто исчерпан. Новые ориентиры советской внешней политики предполагали поиск диалога с западными странами, а не рост конфронтации. В результате этой политики Советский Союз стал более открытым, в том числе и для визитов зарубежных гостей. Уже самим фактом своего присутствия они несли новую информацию о жизни «при капитализме», а советская пропаганда ничего не могла ей противопоставить[49]. «Встречали мы людей из того мира, где, как вы говорите и пишете, нищета, разруха, голод, эпидемии и т.д. и т.п. Мы встретились с туристами из США. Они сами – русские и украинцы, эмигрировали от нас. Они рабочие, один – пенсионер, работал на шахте. И этот пенсионер приехал к нам посмотреть, как мы живём. Какой у нас пенсионер-рабочий сумеет съездить за границу, на какие деньги», – писали из Николаева в «Комсомольскую правду» в 1965 г.[50]

При сравнении качества и уровня жизни в западных странах и в СССР советская сторона не выдерживала конкуренции. Но существовала и иная плоскость сравнения, когда люди могли оценить, как менялись условия и уровень их жизни с течением времени. В 1960 г. Институт общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП») – одна из первых советских социологических служб[51] – провёл опрос на тему «Динамика и проблемы уровня жизни

---

[46] Там же, л. 44–45.

[47] Там же, л. 9.

[48] Там же, д. 34, л. 20.

[49] Аналогичным образом складывалась ситуация после войны: советские солдаты, побывав за границей, получили возможность сравнить условия жизни в СССР и странах Европы. Однако тогда этот новый опыт не был до конца критически переосмыслен и инструментализирован в форме конкретных претензий.

[50] РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 235, л. 4.

[51] Организатор и руководитель ИОМ «КП» Б.А. Грушин вспоминал, что создание Института «было чистейшим образом инициировано “снизу”, самой редакцией “КП” (действовавшей в этом отношении сугубо на свой страх и риск), а вовсе не “сверху”, не по указанию руководства партии или комсомола». Причины создания ИОМ Грушин определил следующим образом: «Независимо от установок идеологических лидеров практика остро нуждалась в решении множества наболевших вопросов – в сферах труда, семьи, градостроительства, массовых коммуникаций, культуры, отношений между людьми, и этот спрос в обстановке возникшей “оттепели” сумел-таки определить предложение» (*Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина в 4-х книгах. Кн. 1. М., 2003. С. 43–44).

населения»[52]. Особенность этого исследования, как и других, организованных ИОМ, заключалась в том, что оно не было заказано «сверху», а представляло собой общественную инициативу. В данном случае «заказ» был не столько политическим, сколько социальным.

В то же время без политического, точнее идеологического влияния не обошлось, поскольку ИОМ существовал при молодёжной газете, редакция которой решала прежде всего пропагандистские задачи. На этой почве возник конфликт интересов – газеты и социологов. Этот конфликт отразился и в опросе о динамике и проблемах уровня жизни: если организаторы опроса стремились через мнения людей выяснить реальное положение вещей, то редакции газеты «голос народа» нужен был скорее как аргумент, подтверждавший, что «дела в стране идут прекрасно»[53]. Компромиссной в силу этого стала сама формулировка главного вопроса исследования: как изменился уровень вашей жизни за последние годы – повысился, понизился, остался без изменений? Это значит, что людям предлагалось оценить не своё материальное *положение* как таковое, а *динамику* его изменения.

Всего в выборку было включено 1625 человек, проживавших в разных регионах страны. Подавляющее большинство респондентов (73.2%) отметили, что уровень их жизни повысился, для 19.8% он остался без изменений и только 7% признали, что стали жить хуже[54]. Повышение уровня жизни люди связывали с такими факторами, как рост заработной платы, улучшение снабжения продуктами и промышленными товарами, сокращение рабочего дня, улучшение жилищных условий и др. Жители села отметили снижение налогов, а пенсионеры – увеличение пенсий[55]. Эти мнения отражали в целом позитивную оценку социальной политики государства, а не только положительную динамику социальных сдвигов. Вопрос о реальных масштабах последних в ходе исследования не ставился, но косвенная информация об этом содержалась в ответах респондентов, иногда довольно подробных. В них, в частности, отразилась непритязательность запросов людей, пределом мечтаний многих были простые желания – «лучше питаться, одеваться, обуваться», «получить новое жильё». Непритязательность требований – один из показателей низкого уровня жизни, как и позитивная реакция даже на самые незначительные перемены к лучшему. Комментируя итоги опроса, его организатор Б.А. Грушин пришёл к такому выводу: «За всем этим отчётливо вырисовывался образ народа, живущего в непроходимой (вековой) бедности и не имеющего ни малейшего представления о том, как вообще могут и должны жить люди на Земле и как они на самом деле живут за “железным занавесом”»[56].

Опрос об уровне жизни, как и другие социологические опросы 1960-х гг., несмотря на некоторые очевидные недостатки методик[57] и невозможность избежать политической конъюнктуры, выполнили одну важную функцию – с их

---

[52] Результаты опроса и комментарий к ним см.: Там же. С. 112–158.
[53] Там же. С. 50.
[54] Там же. С. 125.
[55] Там же. С. 126.
[56] Там же. С. 154.
[57] Например, часть исследований ИОМ «КП» была организована в форме ответов на анкету, помещённую в газете. Таким образом, круг респондентов был ограничен, во-первых, только аудиторией «Комсомольской правды», в основном молодёжной, во-вторых, кругом так называемых «активных» читателей, «пассивные» оставались в стороне, и их мнение не учитывалось, как и мнение других возрастных групп.

помощью к обсуждению социальных проблем был подключён такой фактор, как общественное мнение. Кроме того, социологические исследования нередко ставили вопросы, прямо или опосредованно связанные с проблемами качества и уровня жизни, на которых не фокусировался официальный дискурс. В 1962 г. ИОМ «КП» провёл опрос с целью выявления устойчивых понятий и смыслов, отражённых в активном языке. В качестве объектов исследования выступали школьники 9–10 лет, т.е. дети, черпающие информацию о мире главным образом в неформальной сфере межличностных коммуникаций (семья, дворовая компания, друзья) и меньше зависящие от конъюнктурных источников информации (газеты, книги, радио). Речь шла о выяснении степени знакомства детей с предположительно устаревшими понятиями, характеризующими явления социальной жизни – так называемыми пережитками прошлого (бытовыми, религиозными, культурными)[58]. Всего школьникам предложили оценить значения 50 слов, взятых в основном из газетной лексики 1920-х гг. В списке значились такие понятия, как «мешочник», «кустарь», «спекулянт», «середняк», «толкучка», «блат», «венчание» и др. В результате контент-анализа ответов были выявлены слова-фавориты, знакомые учащимся в наибольшей степени. Таким образом на шкале их информированности определились три слова-чемпиона – «*бедный*», «*нищий*», «*беспризорник*». По мнению Грушина, этот результат не стоит рассматривать как показатель повышенного внимания людей к реальным социальным проблемам, которые стояли за словами-чемпионами. Они действительно произносились чаще других, но только потому, что «входили в *активный словарь* масс, использовались в языке (будучи трактуемы вкривь и вкось), во многих – прямых и переносных – смыслах»[59].

Письма и социологические опросы воссоздают сложную и нередко противоположную картину общественных настроений, характеризующих субъективное восприятие людьми своего материального положения. Среди авторов писем больше «скептиков», среди участников опросов – «оптимистов»[60]. Позитивный настрой большинства последних в 1960-х гг., казалось бы, находился в прямом противоречии с негативными эмоциями авторов писем. Но, несмотря на разное отношение к ситуации, мнения и «оптимистов», и «скептиков» свидетельствовали, в сущности, об одном – о невысоком уровне жизни как об одной из имманентных черт советской повседневности.

Анализируя потребительские практики граждан СССР более позднего времени 1970-х гг., Грушин говорил о наличии в советском обществе «исторической привычки к бедности» – традиции, корни которой берут своё начало отнюдь не в Октябре 1917 г. Привычка к бедности, по мнению социолога, сформировала у граждан отношение к низкому уровню своей жизни как к норме – «состоянию дел, сопряжённому, разумеется, с некоторыми неудобствами и огорчениями, но в принципе вполне терпимому и, конечно же, не побуждающему к протесту»[61]. Это наблюдение справедливо – однако, лишь отчасти. Историческая привычка к бедности, уходящая в дореволюционную традицию и культивируемая в со-

---

[58] *Грушин Б.А.* Указ. соч. Кн. 2. М., 2006. С. 348–390.

[59] Там же. С. 373.

[60] Данное сравнение носит условный характер. «Оптимизм» участников опросов часто объяснялся качеством аудитории, в основном молодёжной, более позитивно настроенной. «Пессимизм» авторов писем можно отнести на счёт особенностей жанра писем-жалоб. Вместе с тем опросы фиксировали наличие негативных настроений – точно так же, как «оптимисты» встречались среди авторов писем.

[61] *Грушин Б.А.* Указ. соч. Кн. 2. С. 355.

ветском обществе десятилетиями жизни на грани выживания, не исключала наличия *протестных настроений* – они существовали и в 1920-е, и в 1930-е, и в 1950-е гг. В июне 1962 г. в Новочеркасске социальный протест вылился в открытое выступление рабочих – самую крупную протестную акцию против ухудшения условий жизни, которая пришлась на «либеральную» хрущёвскую эпоху. *Привычная бедность* проявлялась в различных формах недовольства и выражалась в *содержании* протестных требований, которые по-прежнему отражали непритязательность запросов людей. Лозунгом протестных волнений в Новочеркасске было «простое» требование – мяса, молока, повышения зарплаты[62].

Бедность как одна из характеристик уровня жизни имеет, таким образом, несколько измерений. По абсолютным показателям уровень жизни основной массы населения Советского Союза вплоть до середины 1960-х гг. оставался низким, приближенным к потребительскому минимуму. При этом в субъективном восприятии советские граждане не ощущали себя «обществом бедных», несмотря на наличие настроений недовольства и выбросы социального протеста. В этой двойственности заключается один из парадоксов советского массового сознания, и не только советского. Для коммунистических режимов вообще характерен особый механизм нивелирования бедности, основанный на системе идеологических компенсаторов. Их цель – переключить внимание людей с проблем текущего бытия на участие в реализации масштабных, долгосрочных и по большей части нереализуемых проектов – строительство нового общества, борьба с капитализмом, покорение природы и т.д. Пока советские люди жили мечтой о прекрасном будущем и чувством сопричастности глобальным проектам, они мирились с неустроенностью настоящего. В 1960-е гг. ситуация не сразу, но постепенно стала меняться: произошла переориентация с «завтра» на «сегодня». Этот тренд уже сам по себе был вызовом – и советскому режиму, и советской идеологии, и советскому обществу.

---

[62] *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе. Новосибирск, 1999. С. 309.